

Глава 11. Маленький скряга

Немного пройдя по тихому переулку и встретив человека с бамбуковой корзиной, который, как и они, ходил с криками о продаже товара, Линь Жун незаметно выдохнул с облегчением. Тревога в его сердце наконец немного улеглась.

— Не веришь моим словам?

Линь Жун отвёл взгляд в сторону. Лицо его оставалось спокойным, но в глазах всё же промелькнула неловкость.

— Нет...

Цзянь Цинъюй с лёгкой улыбкой взглянул на него, ничего не сказав.

Но именно это безразличное отношение внезапно выбило Линь Жуну из колеи. Помедлив, он осторожно потянул за край рукава, который время от времени задевал его руку, и тихо произнёс:

— Я просто боялся, что дикие ягоды не продадутся.

Цзянь Цинъюй равнодушно бросил:

— Знаю. За всё это время я уже понял, что ты маленький скряга! Ни одного медяка не готов выпустить из рук.

Едва эти слова прозвучали, как он тут же почувствовал, что пальцы, державшие его рукав, мгновенно разжались. Рядом воцарилась тишина.

Цзянь Цинъюй невольно шевельнул бровями.

Обиделся?

Он повернул голову и увидел молчаливое лицо с покрасневшими щеками.

Цзянь Цинъюй замолчал.

«...»

Даже лицо покраснело до такого состояния... похоже, он обиделся всерьёз.

Извиниться?

Как раз когда он уже собирался открыть рот, рядом прозвучал тихий, приятный голос гера:

— А разве быть скрягой плохо? Только скряги и умеют зарабатывать деньги.

Сказав это, Линь Жун немного подумал и добавил:

— Во всяком случае, я считаю, что это хорошо.

Цзянь Цинъюй на мгновение опешил.

Это очень похоже на самого Линь Жуну — на его характер и на ту жизнь, в которой он вырос.

Чем сильнее человеку чего-то не хватает, тем больше он это ценит и тем сильнее жаждет заполучить.

Таково самое обычное человеческое желание.

Линь Жун с детства был главой семьи. За целый год через его руки проходило лишь несколько медных монет, а жизнь всегда балансировала между сытостью и голодом. Потому для него было совершенно естественно бережно цепляться за те деньги, что он держал в ладонях.

Воздух становился всё тяжелее от жары. Высокие стены по обе стороны переулка ещё удерживали раскалённые лучи, но в узкую извилистую улочку совсем не проникал ветер. Жар скапливался внутри и никак не рассеивался, из-за чего становилось всё душнее.

Цзянь Цинъюй начинал раздражаться от духоты, а ещё боялся, что стоящий рядом гер снова получит солнечный удар, поэтому больше не стал терять времени и постучал в первую попавшуюся дверь.

В тесном переулке раздался чёткий стук.

Цзянь Цинъюй попросил Линь Жуна отойти подальше и спрятаться в тени у стены, а сам остался ждать у двери.

К счастью, удача была на их стороне. После первого же стука за дверью вскоре послышались тяжёлые шаги.

— Скрип...

Дверь открыл пожилой фулан.

Невысокий, грузный, круглый как шар. Щёки так расплылись от жира, что почти скрыли морщины, и лишь веерообразные складки у уголков глаз позволяли примерно угадать его настоящий возраст.

В такую эпоху, с отсталой хозяйственной системой и постоянной нехваткой еды, люди с подобной тучной фигурой встречались редко. Так могли выглядеть лишь те, чьи семьи были богаты и не жалели еды.

Но этот пожилой фулан явно был всего лишь слугой в этой усадьбе.

Цзянь Цинъюй, ничуть не меняясь в лице, сразу начал расхваливать свой товар:

— Свежие дикie ягоды, только сегодня собрали в горах. Крупные и сладкие, попробуйте.

Он протянул несколько ягод.

Пожилой фулан взял их, но его мутноватые прищуренные глаза всё это время липли к самому Цзянь Цинъюю.

Тонкая, плотно облегающая одежда не скрывала высокого, безупречно сложенного тела мужчины. Напротив, из-за того, что под тканью нельзя было разглядеть кожу напрямую, его взгляд невольно цеплялся за проступающие сквозь материю сильные, чувственные линии тела. Они то угадывались, то скрывались, заставляя воображение само дорисовывать, какое зрелище скрывается под одеждой.

На этом лице невозможно было найти ни единого недостатка...

Ни по внешности, ни по фигуре, ни по возрасту — даже переверни весь город вверх дном, такого молодого мужчину не сыщешь.

Но...

Пожилой фулан украдкой окинул его взглядом сверху вниз.

Одет бедно... похоже, дома у него гроша за душой нет. В таком возрасте вместо того, чтобы искать приличную работу, таскается с продажей диких ягод...

Блеск в глазах старика быстро погас.

Красивый-то красивый, но бедный и без амбиций. Какая порядочная девушка или гер согласится выйти замуж за такого?

С этими мыслями он небрежно закинул красную ягоду в рот. Стоило сладкому соку растечься по языку, как густые чёрные брови старика тут же взлетели вверх.

— Ого! Парень, а где ты набрал этих... как их там... диких ягод? Вкус и правда неплохой. Почём продаёшь?

С того самого момента, как старик начал разглядывать его будто товар, взгляд Цзянь Цинъюя заметно похолодел. В нём появилась холодная неприязнь, лишь изогнутые уголки губ немного смягчали ледяное выражение лица.

— Тридцать вэнь за корзину, — равнодушно ответил он.

Когда прозвучала цена в тридцать вэнь, глаза расширились не только у старого фулана. Даже стоявший у стены Линь Жун резко округлил глаза.

Старик тут же нахмурился.

Красные ягоды в корзине и правда были крупными и сладкими, молодой мужчина не преувеличивал. В такую жару, если подержать их немного в колодезной воде или в леднике, они станут настоящим наслаждением.

— Слишком дорого. Не пойдёт. Всё-таки это просто дикие ягоды. Сбавь цену — тогда, может, и куплю.

Намерения пожилого фулана были очевидны. Купить он хотел, но цена казалась ему слишком высокой.

Полностью игнорируя гера, который издалека, стоя под стеной, отчаянно махал ему руками, подавая знаки, Цзянь Цинъюй ни на шаг не уступил:

— Только за тридцать вэнь.

— Дикие ягоды — сезонный плод, растут только в глубине гор. Их мало и найти трудно. К тому же они полезны для здоровья. В горах полно опасностей. Думаю, вы и сами это понимаете. Мы жизнью рисковали, пока собирали их, так что дешевле не получится.

Пожилой фулан заколебался.

В корзине за спиной молодого мужчины было всего четыре лукошка ягод.

В глубоких горах водились волки и тигры, а потому всё, что приносили оттуда, всегда считалось редким и дорогим. Не говоря уже о настоящей ценности товара — одних только слов «из глубины гор» хватало, чтобы богатые помещики и барышни готовы были расхватывать такое наперебой.

Если купить эту свежую диковинку и поднести госпоже или молодым хозяевам ради забавы и новизны, то, глядишь, ещё и награду получить можно. И тогда какие-то жалкие медяки за ягоды уже совсем не будут иметь значения.

Немного поразмыслив, старик сказал:

— Ладно, тридцать так тридцать. Забираю все четыре корзины.

В усадьбе вместе с господином, госпожой, барышнями и молодыми господами жило около десятка человек. Этих четырём корзиночек как раз едва хватит всем попробовать понемногу.

— Сто двадцать вэнь.

Подумав о возможной награде, пожилой фулан без малейшей жалости отсчитал деньги.

Маленькая дверь снова закрылась.

Цзянь Цинъюй, держа в руке только что полученные сто двадцать медных монет, подошёл к всё ещё ошеломлённому Линь Жуну и вложил деньги ему в руки.

— Ну что, теперь уже не переживаешь?

Краем глаза он ещё раньше заметил, как гер так отчаянно размахивал руками, словно они вот-вот загорятся.

Тяжёлая связка монет легла в ладони, но Линь Жун всё ещё не мог оправиться от потрясения.

Тёмные волосы на его голове промокли от пота и прилипли к щекам спутанными прядями. За всю свою жизнь он впервые начал заикаться от волнения:

— С-столько... медяков... и всё это... за такое количество диких ягод?..

Это ведь не три вэня. А целых тридцать!

Обычный крепкий мужчина за целый день тяжёлой подённой работы зарабатывал всего от десятка с небольшим до двадцати с лишним вэнь. А ведь ягод, которые они только что продали, было даже меньше половины того, что они собрали утром.

Щёки гера покраснелись — то ли от жары, то ли от возбуждения. Тёмные глаза сияли так ярко, словно у какого-то маленького зверька.

Цзянь Цинъюй смотрел на своего фулана, и на его губах сама собой появилась лёгкая улыбка.

— Теперь-то ты мне правда веришь?

Линь Жун поджал губы в улыбке. Глаза его были полны радости и восторга.

Он сильно кивнул и совершенно серьёзно сказал:

— Ты очень хороший. Всё, что ты говорил раньше, было неправдой.

Сначала Цзянь Цинъюй не понял, что именно имел в виду гер своей последней фразой. Лишь спустя мгновение ему вспомнилось, как прежде, желая насмешкой оттолкнуть этого человека, он сам говорил о том, что собирается жить за чужой счёт.

С того времени, когда он смотрел на всех вокруг с раздражением и неприязнью, уже прошёл целый месяц.

Не сказать, что быстро. Но и не медленно.

Человек, который прежде больше всего ненавидел летнюю жару, теперь сам стоял под палящим солнцем и помогал геру продавать дикие ягоды.

Цзянь Цинъюй коротко усмехнулся и, встретив серьёзный взгляд стоящего рядом Линь Жун, кивнул:

— Мгм. Я тогда просто болтал ерунду.

Цзянь Цинъюй прекрасно понимал психологию богатых людей. За следующие полчаса он постучался всего в два дома и распродал все оставшиеся ягоды.

Они заработали около трёх цяней серебра, а вместе с прежними ста двадцатью вэнь, у них вышло четыре с половиной цяня.

Линь Жун впервые в жизни заработал столько денег.

И впервые держал в руках такую сумму.

Тяжёлый кошель приятно оттягивал ладонь, и от этого на сердце становилось одновременно радостно и волнительно.

Они ещё даже не дошли до дома, а Линь Жун уже чувствовал себя неуверенно, таская при себе столько серебра. Он посмотрел на своё худое, слабое тело, а затем на высокого и крепкого молодого мужчину рядом, и без лишних слов сунул кошель Цзянь Цинъюю, чтобы тот спрятал деньги при себе.

Солнце нещадно палило сверху, так что Линь Жун едва мог открыть глаза.

— Уже полдень. Давай вернёмся.

Обратная дорога на ослиной повозке занимала больше получаса, так что домой они попадут уже к часу дня.

Цзянь Цинъюй прекрасно видел, что Линь Жун просто не хочет есть вне дома.

Точнее... у него в голове вообще не существовало мысли, что можно пойти и поесть где-то снаружи.

Потому что раньше у него никогда не было на это денег.

Цзянь Цинъюй не ответил. Вместо этого, он неожиданно сказал совсем другое:

— За тех фазанов и зайцев, что я продал раньше, мне ещё не заплатили.

— ...

Как он и ожидал, в следующий миг рядом резко прозвучал взволнованный голос:

— Не заплатили?!

Ни о возвращении домой, ни о еде больше речи не шло.

Линь Жун впервые сам схватил Цзянь Цинъюя за руку и поспешно потянул его назад:

— Я пойду с тобой требовать деньги! Что за бессовестные люди! Забрали товар и не заплатили!

Уголки губ Цзянь Цинъюя чуть приподнялись, хотя голос его оставался спокойным:

— Всё нормально. Они заплатят.

Это была правда, но стоящий рядом гер явно ни капли ему не поверил.

— Если бы у них была совесть, они бы сразу рассчитались! Не может же быть, чтобы денег не было, а товар они всё равно взяли!

— Кому ты продал?

Глаза Цзянь Цинъюя едва заметно изогнулись в улыбке.

— Трактиру «Фукаан».

Увидев, что Линь Жун уже готов ринуться туда выбивать деньги, Цзянь Цинъюй быстро схватил его и остановил.

— Сначала поедим.

— Чтобы выбивать долг, нужны силы.

<http://bllate.org/book/17612/1639351>